

Письма графа Ө. В. Растопчина къ А. Ө. Лабзину.

Въ находящемся у насъ архивѣ извѣстнаго мистика Александра Өедоровича Лабзина ¹⁾ сохранилось, между прочимъ, восемь писемъ къ нему графа Өедора Васильевича Растопчина; ихъ, несомнѣнно, было больше, но и тѣ немногія, что сохранились, представляютъ историческій интересъ, даютъ нѣсколько новыхъ чертъ къ біографіи знаменитаго своей трагической судьбою Московскаго главнокомандующаго,—увы, еще не дождавшагося обстоятельнаго жизнеописанія, а потому заслуживаютъ быть опубликованными. Благодаря этимъ письмамъ устанавливается наличность близкаго знакомства и даже дружескихъ отношеній Растопчина съ Лабзинымъ,—крупнѣйшею и даровитѣйшею фигурою среди мистиковъ Александровскаго царствованія ²⁾, а также знакомства его, хотя и не личнаго, съ Н. И. Новиковымъ. Доброе отношеніе Растопчина къ этимъ двумъ лицамъ пріобрѣтаетъ особенный интересъ, если сопоставить его съ тѣмъ, что онъ писалъ о мартинистахъ въ запискѣ, представленной въ 1811 г. Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ ³⁾: въ запискѣ этой Растопчинъ называетъ общество мартинистовъ „столь же достойнымъ презрѣнія, сколько опаснымъ“, о Новиковѣ же отзывается довольно спокойно, хотя и нѣсколько прерзительно; въ 1812 г., въ письмѣ 6-го августа къ Имп. Александру,

¹⁾ Объ этомъ архивѣ см. мою статью „Изъ архива И. Е. Великопольскаго“ въ „Русск. Стар.“ 1901 г., №№ 6, 7, 8, въ „Воспоминаніяхъ А. Е. Лабзиной“ въ „Русск. Стар.“ 1903 г., прилож., стр. 3—4.

²⁾ О немъ см. мою брошюру: „А. Ө. Лабзинъ“, СПб. 1904, 44 стр. и „Воспоминанія А. Е. Лабзиной“, СПб. 1903.

³⁾ „Русск. Арх.“ 1875 г., кн. III, стр. 75—81.

Растопчинъ настаивалъ на насильственномъ удаленіи мартинистовъ изъ Москвы.

Далѣе въ письмахъ Ростопчина слѣдуетъ отмѣтить его хлопоты о пополненіи своей картинной галлерей при посредствѣ Лабзина, бывшаго конференцъ-секретаремъ Имп. Академіи Художествъ,—его отзывы о художникахъ Шебуевѣ, Егоровѣ и Кипренскомъ, о Наполеонѣ и французахъ, о русскомъ народѣ, наконецъ—самозащиту (въ письмѣ 29-го мая 1813 г.) отъ обвиненій, которыя начали сыпаться на него со всѣхъ сторонъ вскорѣ же послѣ выхода французовъ изъ Россіи,—обвиненій въ корыстолюбіи, чуть-ли не грабежѣ, самоуправствѣ и, наконецъ, въ смерти Верещагина. Печатаемъ письма съ сохраненіемъ орфографіи Растопчина, характерной и для эпохи, и для него самого.

Б. Модзалевскій.

1.

Милостивый Государь мой Александръ Ѳедоровичъ!

Его Императорское Величество, зная чрезъ опыты дарованія ваши, желаетъ оныя еще болѣе на пользу службы, препоручая вамъ составленіе цыфирнаго ключа ¹⁾. Государь Императоръ увѣренъ заранѣе, что знанія и усердіе ваше произведутъ что-нибудь весьма отличное и совсѣмъ неизвѣстное.

Пребываю навсегда съ истиннымъ почтеніемъ вашего высоко-родія покорнѣйшій слуга графъ Федоръ Растопчинъ.

Въ Гатчинѣ.

Октября 8-го дня

1800 года.

Его Высокородію Лабзину.

¹⁾ Въ это время Лабзинъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, служилъ (съ 17-го апрѣля 1799 г.) въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, занимая, одновременно, должность конференцъ-секретаря Имп. Академіи Художествъ. Цыфирный ключъ, очевидно, былъ нуженъ для шифрованной дипломатической переписки коллегіи, въ которой графъ Растопчинъ, съ 25-го сентября 1799 г., былъ первымъ присутствующимъ членомъ. Дарованія Лабзина были извѣстны Имп. Павлу по составленной имъ и Александромъ Вахрушевымъ „Исторіи ордена Святаго Іоанна Іерусалимскаго“, которая была заказана имъ Имп. Павломъ послѣ того, какъ онъ избранъ былъ гротмейстеромъ Мальтійскаго ордена, и которая была издана въ 5 частяхъ въ 1799—1801 г.г. Хотя книга эта, большею частью, была лишь переводомъ стариннаго сочиненія аббата Vertot („Histoire des chevaliers de Saint-Jean de Jérusalem, ou Histoire de l'ordre de Malte“, 4 v., Paris, 1726), однако, Имп. Павелъ далъ Лабзину (1-го января 1801 г.) пышное званіе историографа ордена; вообще

2.

27-го марта [1802 г.] Вороново.

Я болѣнъ. Я васъ знаю, и для сего стану писать безъ заглавія. Николай Ивановичъ ¹⁾ препроводилъ ваше письмо при своемъ, гдѣ я, зная его давно умъ и свѣдѣнія, не дивился ни слогу, ни чувствамъ. Я радъ былъ начать съ нимъ знакомство и отвѣчалъ ему не головою, а сердцемъ, кое много разъ о немъ соболѣзновало, и одинъ разъ удачно былъ его ходатаемъ у престола. Я весьма бы желалъ знать его лично, и естли вы можетъ сіе въ теченіи лѣта здѣлать, то меня обяжите ²⁾. Умныхъ людей и хорошихъ для самихъ себя я видалъ много, а честныхъ и любящихъ паче всего Отечество какъ-то мало, и я боюсь иногда, чтобъ этотъ родъ воспитаніемъ и вообще не истребился. Дружбу вашу я почи-

онъ относился къ нему съ большимъ благоволеніемъ и за время своего царствованія пожаловалъ ему 2.000 рублей и два брилліантовыхъ перстня. Въ связи съ изданіемъ „Исторія ордена Святаго Іоанна Іерусалимскаго“, въ бумагахъ А. Ѳ. Лавзина сохранилась копія со слѣдующаго письма графа Ѳ. В. Растопчина къ главнокомандующему Кабинетомъ Его Величества графу Ивану Андреевичу Тизенгаузену:

Милостивый Государь мой Графъ Иванъ Андреевичъ! Препровождая у сего къ Вашему Сіятельству третію часть Исторіи Державнаго Ордена на російскомъ языкѣ, имѣю часть вамъ, Милостивый Государь мой, сообщить, что Государю Императору угодно, чтобы и сія третія часть и всѣ послѣдующія, подобно первымъ двумъ, печатаемы были на иждивеніи Кабинета Его Императорскаго Величества.

Пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ Вашего Сіятельства, Милостиваго Государя моего, покорнѣйшій слуга графъ Федоръ Растопчинъ.

С.-Петербургъ,

мая 13-го дня.

Его Сіятельству Графу И. А. Тизенгаузену.

А по справкѣ въ Кабинетъ:

Въ поднесенномъ Его Императорскому Величеству отъ Главноуправляющаго Кабинетомъ господина оберъ-гофмейстера и кавалера графа Тизенгаузена сего года, марта дня всеподданнѣйшемъ докладѣ, между прочимъ, въ 4 пунктѣ написано: „Какъ доселѣ Кабинетъ, принимая отъ многихъ особъ объявляемыя изустныя Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, отпускалъ великія суммы, то нынѣ за необходимость почтаю всеподданнѣйше испрашивать Высочайшаго повелѣнія, кому именно и съ какой суммы по изустнымъ Вашего Императорскаго Величества повелѣніямъ Кабинетъ отпускать долженъ, на которой послѣдовала Высочайшая Его Императорскаго Величества собственноручная конфирмація: „Никому“.

¹⁾ Новиковъ.

²⁾ Личное знакомство графа Растопчина и Новикова тогда не состоялось.

таю и не удивляюсь ей. Для чего, когда у Ореста былъ Пилать, не можетъ быть у Николая ¹⁾ Александръ ²⁾, а у Александры ³⁾—Федоръ ⁴⁾? Прощайте.

Я потерялъ достойнаго своего друга и доктора Крафта ⁵⁾ и, страдая за себя и за жену, рѣшился чрезъ годъ ѣхать въ чужія края хорошенько полечится. Оттуда могу въ качествѣ почетнаго любителя вашей Академіи ⁶⁾ доставлять нѣкоторыя рѣдкости, изъ коихъ самая—будетъ та, что припишутъ сіе просто желанію быть всегда на что-нибудь да полѣзнымъ ⁷⁾.

На оборотѣ адресъ: Его Превосходительству! Милостивому государю моему Александръ Федоровичу Лавзину. Въ С.-Петербурѣ.

3.

Отъ 21-го іюня (1804 г.). С. Вороново.

Милостивый государь мой Александръ Федоровичъ!

Три дни уже тому, какъ я возвратился сюда изъ дальняго путешествія по деревнямъ. Труды, терпѣніе и усталость забыты посреди семьи, кою я нашелъ въ добромъ здоровьи. Дивился вездѣ на изобиліе нынѣшняго года. Пожелелъ въ самое то же время о предстоящихъ трудахъ хлѣбопашцамъ и дурной заплатѣ отъ дешевизны произведеній, отъ чего на потребныя вещи цѣны отнюдь не уменьшатся.

Здесь же все засохло отъ жаровъ и Гласъ народа о дождѣ не принимается Всевышнимъ.—Прошу васъ дать мнѣ знать, на какомъ положеніи принимаются посторонніе ученики въ Академію Художествъ и можно-ли туда послать одного, обѣщающаго великія способности?—Увидя изъ газетъ, что утвержденъ новый мундиръ для Академіи, какъ я имѣю честь быть почетный любитель,—желаю оной носить, и вы мнѣ сдѣлаетѣ одолженіе, сообщая рисунокъ

¹⁾ Новиковъ.

²⁾ Лавзинъ.

³⁾ Лавзинъ.

⁴⁾ Графъ Растопчинъ.

⁵⁾ Онъ былъ при Растопчинѣ со времени его паденія (см. Арх. Воронцова, т. VIII, стр. 45).

⁶⁾ Т. е., Имп. Академіи Художествъ, въ которой Лавзинъ состоялъ конференцъ-секретаремъ.

⁷⁾ Письмо это писано Растопчинымъ въ то время, какъ онъ, незадолго до смерти Павла вынужденный выйти въ отставку, жилъ не у дѣлъ—то въ Москвѣ, то въ своемъ имѣніи Вороновѣ—вплоть до назначенія своего въ 1812 г. московскимъ главнокомандующимъ.

шитья, покроя, и естли пуговицы съ гербомъ, то присылкою потребнаго числа на кафтанъ и камзолъ ¹⁾). Я намѣренъ въ ономъ щеголять зимою въ Москвѣ въ качествѣ профессора хлѣбопашества, кое я поставляю въ число первѣйшихъ художествъ, доставляющихъ продовольствіе и заплату за труды упражняющихся въ протчихъ. Ученикъ вашего друга Ник[олая] Иван[овича] Новикова успѣваетъ лутче другихъ въ наукѣ ²⁾ и я готовлю ему цѣлое собраніе орудій, съ коими онъ принесетъ вмѣстѣ и пользу, и занятіе почтенному страдальцу отъ невѣжества и зависти. Писалъ бы къ вамъ больше, но на термометрѣ Реомюра въ 9 часовъ пополудни 20 градусовъ, и я не понимаю, какъ Виргилій могъ умно писать, а Цицеронъ говорить въ Римѣ. Оканчивая мое письмо, увѣряю васъ, что жаръ разслабляетъ тѣло, но не дѣйствуетъ ни мало надъ чувствами почитанія и любви, съ коими имѣю честь пребыть Вашего Превосходительства, Милостиваго Государя моего, покорнѣйшій слуга

Графъ Ѳедоръ Растопчинъ.

На оборотѣ адресъ: Его Превосходительству Милостивому Государю моему Александру Ѳедоровичу Лазину, въ С. Петербургѣ.

4.

22-го декабря [1810 г.] Москва.

Недѣлю уже, какъ я получилъ прекрасный рисунокъ, съ коимъ вы по дружбѣ ко мнѣ разстались; онъ дошелъ безъ поврежденія, такъ какъ і стекло. Теперь къ нему делается прекрасная рама і чрезъ несколько дней онъ представится во всей славе настоящимъ, истиннымъ любителямъ живописи. Я ждалъ отъ васъ отвѣту на длинное мое письмо, въ коемъ помѣщены были отвѣтные пункты. Не знаю, довольны-ли вы ими будете, но въ нихъ заключены все мои притчины, обдуманная и непременная. — Кипренской ³⁾ выработалъ

¹⁾ Новая форма мундировъ для Академіи Художествъ дана была въ 1804 г. (См. Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Академіи Художествъ, подъ редакціей П. Н. Петрова, т. I, СПб. 1864, стр. 462).

²⁾ О желаніи своемъ отдать ученика къ графу Растопчину, объявившему въ газетахъ, что онъ принимаетъ учениковъ для обученія английскому земледѣлію, — писалъ Новиковъ Лазину 12-го февраля 1804 г.

³⁾ Орестъ Адамовичъ Кипренскій, опредѣленіемъ Совѣта Имп. Академіи Художествъ отъ 22-го августа 1808 г., былъ назначенъ къ посылкѣ за границу, но туда не поѣхалъ и 27-го февраля 1809 г. былъ прикомандированъ къ академику Мартосу, въ Мосаву, за границу же поѣхалъ лишь 1816 году.

весьма для себя полезное і Великій Князь изволить определять ему ежегодно по 2.000 рублей для ѣзды въ Парижъ. Куда нашъ безразсудной Орестъ стремится. По его—для приобрѣтенія совершенства, а по моему — для обрѣтенія погибели. Но судьба должна і имъ руководствовать. Какъ другу позвольте попенять о скромности вашей нащеть почтенной сестры вашей ¹⁾. Я случайно узналъ о ея пребываніи і положеніи. Осипъ Ивановичъ ²⁾, зная мою съ вами связь, обо всемъ меня извѣстилъ і я ему очень благодаренъ. Теперь я вамъ скажу смѣшное. Я завожу табачную фабрику не въ пользу себѣ, а на зло французамъ. Я открылъ, что у насъ въ Малороссіи сѣютъ настоящій виргинской табакъ и обдѣланной фунтъ онаго станеть 40 копѣекъ и того сорта, которой продають по 5 рублей и гораздо больше. Одинъ Фламандецъ, притесненной и бѣдной, заводитъ у меня въ Вороновѣ большую фабрику. Вотъ мое извѣстіе. Напишите ко мнѣ, что съ вами будетъ дѣлаться послѣ новаго года. Здѣсь говорятъ о перемѣнахъ въ министерствахъ, и какъ духъ экономіи обовладѣлъ первыми, то могутъ зацѣпить васъ. Прощайте. Справьтесь, что стоитъ стекло для рисунка. Богъ съ вами.

Приписка: Хотя печатать, закапалъ воскомъ письмо и прошу милосердо извинить.

На оборотѣ: Его Превосходительству, Милостивому Государю моему Александру Ѳеодоровичу Лавзину. Въ Академію Художествъ въ С.-Петербургѣ.

5.

Отъ 12-го генваря 1811. Москва.

Письмо ваше, Почтенный Александръ Ѳеодоровичъ, получилъ и при немъ щеть съ стеклянной фабрики, по коему деньги къ Ник[олаю] Игн[атьевичу] посылаю, переславъ къ нему вместе и тысячу рублей Егорову ³⁾ за картину. Съ большимъ нетѣрпеніемъ буду ея ожидать и благодарю заранѣ васъ за расположеніе. Растолковано ясно, теперь остается знать, какъ живописецъ, понявъ ваши

¹⁾ У Лавзина было три сестры: Анна Ѳеодоровна и Елизавета Ѳеодоровна—дѣвицы и Надежда Ѳеодоровна, бывшая за инженеръ-генераль-маіоромъ Степаномъ Даниловичемъ Микулинымъ.

²⁾ Новицкій (ср. ниже), генераль-маіоръ, р. 16 мая 1764, ум. на 20-е марта 1839 г. („Московскій Некрополь“, т. II, стр. 345); въ 1804 г., онъ былъ управляющимъ Иркутскою казенною суковною фабрикою.

³⁾ Алексѣй Егоровичъ Егоровъ, профессоръ Имп. Академіи Художествъ (р. 1776, ум. 1851).

намѣренія, изобразилъ ихъ. Скажите, пожалуйста, г-ну Шебуеву ¹⁾, чтобы онъ по крайней мере окончилъ рисунокъ Иголкина ²⁾, которой мой, и я буду иметь за 500 рублей три рисунка, вмѣсто 6— за 1.000 рублей. Я не люблю портить никого, но любя все русское, я прельстюсь работой двухъ вашихъ или нашихъ живописцевъ, далъ имъ, можетъ-быть, і лишнѣе. Если картина Егорова такова, какъ вы пишете, то я буду ее иметь дешево. Стѣкло привезено съ рисункомъ въ самомъ лучшемъ состояніи і оба ни мало не испорчено. Марфа изъ исторической бабы стала Галлерейной і въ рамѣ на пристойномъ свѣту занимаетъ охотниковъ живописи. Письмо, о коемъ я къ вамъ писалъ, названное длиннымъ, отправлено было въ октябрѣ или ноябрѣ по вашей надписи и содержало отвѣтъ на замѣчанія ваши и желаніе, чтобы я зимою побывалъ въ Петербургѣ, чего мнѣ здѣлать не можно, потому что жена ³⁾ должна родить въ концѣ нынѣшняго мѣсяца ⁴⁾ и что я, не имѣя особой надобности, не хочу тащиться 1.500 верстъ, чтобъ возвратится назадъ съ неприятными воспоминаніями, хотя я большей части и дѣлъ и людей ныне не понимаю.—У насъ новаго ничего нетъ, да и у васъ, кажется, кромѣ пеплу театральнаго, также бѣдно новостями. Я воображаю отчаяніе товарища моего Нарышкина, когда горѣлъ его департаментъ ⁵⁾. Слава Богу, что Архивъ спасенъ и можно будетъ узнать за 50 лѣтъ назадъ. Для чего вмѣсто „Жоржа Дандина“ ⁶⁾ играли „Трехъ братьевъ соперниковъ?..“ Кипренской ⁷⁾ почти помѣшался отъ работы, воображенія и нетерпѣнія быть въ

¹⁾ Василій Кузьмичъ Шебуевъ, академикъ и адъюнктъ-профессоръ Имп. Академіи Художествъ (р. 1777, ум. 1855).

²⁾ Изображеніе того, какъ купецъ Павелъ Иголкинъ, заключенный въ тюрьму въ Швеціи при началѣ Сѣверной войны, убилъ двухъ стражей тюрьмы за то, что они отзывались дерзко о Петрѣ Великомъ. Снимокъ съ картины Шебуева, изображающей этотъ подвигъ Иголкина, помѣщенъ въ приложеніи къ „Сыну Отечества“ 1840 г., кн. 3.

³⁾ Графиня Екатерина Петровна, рожд. Протасова (ум. 16-го сентября 1859 г.).

⁴⁾ Графъ Павелъ Ѳедоровичъ Растопчинъ, род. 27-го января 1811 г., умеръ 12-го августа того же года („Московскій Некрополь“, т. III, стр. 42).

⁵⁾ 31-го декабря 1810 г. былъ французскій спектакль на Большомъ театрѣ. Послѣ полуночи, во время продолжавшагося бала, по случаю новаго года, у директора Александра Львовича Нарышкина вдругъ вспыхнулъ пожаръ внутри Большого театра, который и сгорѣлъ (П. Н. Араповъ. Лѣтопись Русскаго Театра, СПб. 186 г., стр. 207—208). Описаніе пожара было напечатано въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1811 г., № 4.—А. Л. Нарышкинъ и графъ Ѳ. В. Растопчинъ были оба оберъ-камергерами.

⁶⁾ Комедія Мольера.

⁷⁾ См. предыдущее письмо.

Вавилонѣ французскомъ. Прощайте, почтенный Александръ Федоровичъ! Будьте здоровы.

P.S. Прошу у Шебуева развѣдать, что онъ возметъ за картину, писанную имъ въ Римѣ, на коей его портретъ въ видѣ молодого человека съ двумя цыганками. Но я не намѣренъ дорого ему дать, потому что онъ со мной не совсемъ деликатно поступилъ въ рисункахъ.

С боку приписка.

Дунцельмана никакого не знаю; сѣраго сертука не имѣю, слѣдственно—сонъ несправедливъ.

6.

Отъ 14-го апрѣля [1811 г.] Москва.

Уже мѣсяць, какъ я съ вами разстался, и приехавъ сюда благополучно, живу покойно съ своими душевными, хотя посреди тысячи новыхъ новостей, но я малому имамъ вѣру, а предоставляю времени изстреблять и подтверждать все слухи и переговоры тунеядства. Покорнѣйше благодарю васъ за все дружескія вниманія ваши ко мнѣ. Погостили весело и уѣхали, не видавъ Сперанскаго ¹⁾, не обѣдавъ у Колинкура ²⁾ и не бывъ у княгини Вяземской. У насъ здѣсь новаго ничего нетъ и наружность у всехъ веселая. Мы все люди бездельныя, но плутовъ меньше, чемъ у васъ.

Прилагаю при семъ къ вамъ программы для Академіи; отпишите ко мнѣ: деньги на медали прислать теперь или послѣ, дабы я по сему здѣлалъ. Также потрудитесь сказать и попросить Егорова ³⁾, что если онъ не началъ Святой Фамиліи для меня, то чтобъ вмѣсто ея написалъ Разпятіе такой же величины, и мнѣ очень понравился рисунокъ, въ коемъ тѣло Спасителя освящено свѣтомъ, а принадлежащія фигуры въ темнотѣ. Впрочемъ я предаю образъ сего его искусству, увѣренъ бывъ, что онъ его пожелѣетъ для одного изъ удивленныхъ его превосходными дарованіями. Осипа Ивановича Новицкаго я два раза виделъ и одно утро съ нимъ занимался всеми бумагами, къ дѣлу его принадлежащими: трудно исправить

¹⁾ Михаила Михайловича; въ это время государственный секретарь, директоръ комиссіи составленія законовъ.

²⁾ Armand-Louis de Caulaincourt, duc de Vicence (р. 1772, ум. 1827), съ 1807 г. бывшій французскимъ посломъ въ Петербургъ. Его донесенія см. въ т. I—VI паданія Великаго Князя Николая Михайловича: „Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи по донесеніямъ пословъ Императоровъ Александра и Наполеона 1808—1812“. СПб. 1905—1908.

³⁾ Художникъ А. Е. Егоровъ (см. предыдущее письмо).;

здѣланное. Графъ Иванъ Васильевичъ ¹⁾ основываетъ мнѣніе свое на справедливости. Но Валуевъ ²⁾ поддерживааетъ свою ошибку, наложивъ штрафъ неоплатной за то, что былъ пожаръ. И вотъ какъ судьбами человѣческими катаютъ человѣки! Жаль очень, что пріятель вашъ не объяснился прямо Государю о притчинахъ своего гонѣнія, основаннаго на томъ, что онъ, здѣлавъ знатную прибыль казнѣ, можетъ-быть человѣкъ у десяти значущихъ отнялъ по десятку тысячъ, а мы нынче живемъ въ такомъ вѣкѣ, что больше сердимся на техъ, кои мешаютъ красть, чѣмъ на техъ, кои крадутъ сами. Онъ мнѣ утвердительно опровергнулъ разпущенные годъ назадъ на его шетъ слухи, будто онъ хотѣлъ купить за 750 тысячъ деревню у Архарова, объявивъ, что онъ у Архарова не былъ и его не видалъ. Жаль, что много есть такіхъ людей замаранныхъ, которыя и языкомъ другихъ мараютъ. Прощайте. Черезъ несколько времени пришлю къ вамъ программы для рисунковъ Шебуева ³⁾, а теперь, обнявъ васъ отъ души, которая чиста, остаюсь вамъ преданный Г. Ф. Растопчинъ.

7.

Отъ 12-го іюня (1811 г.) Москва.

Много и много разъ спасибо за дружеское письмо Ваше. Я узналъ отъ Осипа Ивановича ⁴⁾, что Вы были нездоровы, вѣрно не отъ вины Вашей, а по обыкновенной перемене состоянія нашего. Хорошо, если одно тѣло страдаетъ, а когда примѣшается душа и возьметъ верхъ надъ разсудкомъ, то весьма тяжело страждущему.— Несмотря на все предосторожности и спокойную жизнь, у жены моей лихорадка и было уже пять параксизмовъ, хотя послѣдніе и не такъ сильны, но болѣзнь приводитъ въ ослабленіе, и темъ для ея огорчительнѣй, что она принуждена перестать кормить сама ребѣнка, которому $4\frac{1}{2}$ мѣсяца ⁵⁾. Вѣра ея столь сильна, что она, принимая и вынося все съ благодарностію къ Богу, сноситъ съ свыше человѣческаго терпѣніемъ. Мы все здѣсь изсохли отъ жару и всемѣстно засуха страшная. Отъ Тулы къ Москвѣ теперь уже про-

¹⁾ Гудовичъ, генераль-фельдмаршалъ, членъ Государственнаго Совѣта, главнокомандующій въ Москвѣ.

²⁾ Петръ Степановичъ Валуевъ, д. т. с., д. камергеръ, главноначальствующій Экспедиціа Кремлевскаго Строевія и Мастерской Оружейной Палаты (р. 1744, ум. 1814).

³⁾ Василій Кузьмичъ Шебуевъ, художникъ (см. предыдущее письмо).

⁴⁾ Новицкій.

⁵⁾ Сына Павла, вскорѣ умершаго (см. предыдущее письмо).

даютъ сено по 1 рублю 20 к. за пудъ... Переобразование Сената меня не удивляетъ, но желею о заблужденіи мастеровыхъ, которыя переимѣновывая и переодѣвая и переводя людей, помышляютъ о ихъ превращеніи. Мѣста президентовъ въ Департаментахъ конечно важны, но наука мешать полѣзному доведена до совершенства. Я желею очень, что утвердился и увѣрился въ томъ, что ни на что не гожусь. Во-первыхъ по-нынешнему—старъ, а притомъ честенъ, усерденъ и не якобинецъ. Кажется великой нашъ Союзникъ ¹⁾ сталъ нескромничать і объясняется свободно на нашъ щетъ. Лѣто пропадетъ, а осенью онъ явится на Сѣверъ бичемъ Господнимъ и станетъ хлѣстать нещадно. Россія ему важнѣй Гішпаніи и нужно, чтобъ примѣръ сей Геройской страны не подѣйствовалъ и въ другихъ земляхъ. Его политика—разорять и покорять, и война есть его престолъ.

Прощайте. Здѣсь принцъ Августъ Голштинскій съ большими познаніями и рѣдкими качествами ²⁾. Онъ приехалъ на десять дней не веселится, а смотреть,—і видитъ очень хорошо. Обнявъ васъ отъ души, остаюсь вамъ преданный

графъ Федоръ Растопчинъ.

На оборотѣ: Его Превосходительству Милостивому Государю моему Александру Федоровичу Лавзину, въ Академіи Художествъ, въ С.-Петербургѣ.

8.

Отъ 29-го Маія (1813 г.). Москва.

Получа письмо ваше, я для того тотчасъ на оное не отвѣчалъ, что шесть дней страдалъ головою. Начну съ совѣстной очистки на пункты уголовныхъ дѣлъ. 1-е Глупо упрекать меня, что я возмущалъ народъ противъ иностранныхъ, говоря: тащите ко мнѣ. Симъ я принудилъ чернь водить къ себѣ все то, что имъ заказалось подозрительно. Когда говорятъ: „есть, дискать, законъ“—я его и не нарушалъ, но я былъ главной начальникъ Москвы съ полной властію и изъ 100 человекъ, кои у меня были въ приводѣ, ни

¹⁾ Наполеонъ.

²⁾ Наслѣдный принцъ Гольштейнъ-Ольденбургскій Августъ (род. 1783, ум.); его братъ, принцъ Георгъ, генераль-губернаторъ Тверской, Новгородской и Ярославской, былъ женатъ на Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ (см. изд. Великаго Князя Николая Михайловича: „Переписка Имп. Александра I съ сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной“ СПб. 1910).

одинъ не былъ битъ і по разтолкованіи все отпущены. Те два нѣмца, о коихъ вы говорите, навлекли на себя злость, говоря дурно о Рускихъ, браня ихъ и заспоривъ съ менялами. Но оба выздоровѣли ¹⁾. 2-е. Верещагинъ остался у меня на дворѣ лежащей отъ удара сабли, которой я велелъ ему дать, а что съ нимъ дѣлалъ народъ,—о томъ я узналъ уже на другой день по выходѣ изъ Москвы.

Верещагина же и Сенатъ осудилъ къ кнуту, чего онъ былъ достоинъ ²⁾. 3-е. Что я грабилъ магазейнъ Шальме ³⁾. Онъ уже былъ разграбленъ и козаками и мужиками. Остался фарфоръ и бронза. Я себѣ взялъ незначущій сервизъ и 4 дюжины чашекъ, часы отослалъ одни къ Архіерею, а 13 описаны и продаются. Магазейнъ и домъ по Высочайшей волѣ описаны и перьвой назначенъ въ пользу бѣдныхъ, для чего і открылись аукціоны. Фарфоръ же и чашки я взялъ какъ Начальникъ города, коему ни пить, ни есть нельзя было, не имѣя ничего своего въ домѣ. И когда другой пріедить на мое мѣсто,—то я ему отдамъ эту мѣрзость. Сіе обвиненіе вамъ докажетъ, что у насъ ничего святаго нѣтъ, и въ воровствѣ, кажется, можно бы было не подозрѣвать человѣка, которой не хотѣлъ вывести на 50 тысячъ руб. имущества (а могъ-бы), и для того, чтобъ не ночевали французы въ его домѣ (въ Вороновѣ)—сжегъ его со всѣми строеніями также на 500 тысячъ и болѣ ⁴⁾. 4-е. Что не выставилъ молодцовъ 100 тысячъ въ армію, то это отъ того, что Его Свѣтлость ⁵⁾ рѣшился скоростяжно оставить Москву Бонапарте. А городъ былъ уже пустъ и симъ Россія и Армія были спасены.

¹⁾ Ихъ приняли за шпионовъ и учинили надъ ними самосудъ.

²⁾ По поводу смерти Верещагина Имп. Александръ писалъ Растопчину 6-го ноября 1812 г.: „Я былъ бы вполне доволенъ вашимъ образомъ дѣйствій при этихъ, столь затруднительныхъ, обстоятельствахъ, если бы не дѣло Верещагина, или, лучше сказать, не окончаніе этого дѣла. Я слишкомъ правдивъ, чтобы говорить съ вами иначе, какъ съ полной откровенностью. Его казнь была не нужна, въ особенности ее не слѣдовало производить подобнымъ образомъ: повѣсить или разстрѣлять было бы лучше“ („Русск. Стар.“ 1893 г., янв., стр. 183—184).

³⁾ Владѣтельница извѣстнаго моднаго магазина Роза Оберъ-Шальме, по выходѣ французовъ изъ Москвы послѣдовавшая за арміей Наполеона, по умершая въ Вильнѣ.

⁴⁾ Выѣзжая изъ Воронова, Растопчинъ прибилъ къ дому французскую надпись: „Восемь лѣтъ украшалъ я сіе село, восемь лѣтъ въ нѣдрахъ семейства моего жилъ я счастливо подъ покровительствомъ отеческаго правленія Императора Александра. Поселяне сей деревни удаляются отъ васъ, а я зажигаю мой домъ, чтобы онъ не осквернился вашимъ присутвіемъ. Въ Москвѣ оставилъ я вамъ въ добычу два дома съ имуществомъ въ оныхъ на полмилліона,—здѣсь найдете вы одинъ пепелъ“.

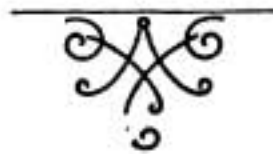
⁵⁾ Князь Кутузовъ.

Но право мѣрзко о семъ говорить. Я вамъ скажу, что я ни шагу не здѣлаю, чтобъ меня хвалили, любили, и превозносили. Предоставляю сіе темъ, кои достойны сего подлостью, воровствомъ і обманомъ. Нѣтъ народа умнѣе рускаго, но нѣтъ и безразсуднѣе и легковѣрней! Площадь, бѣседа—все эхо.

Я нахожу, что въ 20 лѣтъ перестать должно учиться, въ 30— нравится женщинамъ, въ 40—искать общаго мнѣнія, а въ 50—жить для другихъ ¹⁾. Вотъ мое исповѣданіе, при немъ останусь непоколебимъ и преображаюсь изъ Гаера въ зрителя. Прощайте. Я боюсь одного, чтобы Цесарцы не пристали вмѣсто насъ къ французамъ: тогда опять много сумотохи будетъ и безпокойства, а я хочу быть покоенъ. Россія лишилась холоднаго своего спасителя князя Смоленскаго ²⁾, но обрящетъ его паки въ лицѣ Валуева ³⁾, жида Перца ⁴⁾ и Архимандрита Мельхиседека ⁵⁾. Вотъ наши: Пожарской, Мининъ и Палицынъ, а я вашъ преданный

Графъ Ф. Ростопчинъ.

Б. Л. Модзалевскій.

¹⁾ Эту же мысль позже Ростопчинъ высказалъ и въ своей автохарактеристикѣ: „Въ 30 лѣтъ я отказался отъ танцевъ, въ 40—отъ страсти нравиться прекрасному полу; въ 50—отъ приговоровъ общественнаго мнѣнія; въ 60—отъ мышленія, и отъ того сдѣлался совершеннымъ мудрецомъ, или, что одно и то же,—совершеннымъ эгоистомъ“ (Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей, ч. III, 1847 г., стр. 169—170).

²⁾ Князь Кутузовъ-Смоленскій умеръ 16-го апрѣля 1813 г.

³⁾ Главнокомандующій Экспедиціи Кремлевскаго строенія въ Москвѣ; ср. выше.

⁴⁾ Абрамъ Израилевичъ Перетцъ, откупщикъ.

⁵⁾ Настоятель Воскресенскаго (Новый Іерусалимъ) монастыря около Москвы.